

С. М. Телегина

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКЕ

Рецензия на антологию:

М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М. Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей: антология: в 2 т. СПб.: РХГА, 2013–2014. (Русский Путь). Т. 1 / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова, Н. Ю. Данилова; вступ. ст. В. М. Марковича; коммент. Г. Е. Потаповой. СПб.: РХГА, 2013. 1090 с. Тираж 1500 экз. Т. 2. / сост., коммент. С. В. Савинкова, К. Г. Исупова; вступ. ст. С. В. Савинкова; отв. ред. Л. В. Богатырев. СПб.: РХГА, 2014. 984 с. Тираж 300 экз.

Ключевые слова: лермонтоведение, прижизненная критика Лермонтова, символистская критика, Лермонтов в эмиграции, религиозная философия Серебряного века, зарубежное лермонтоведение.

За последние годы антологии «pro et contra», издаваемые Русской христианской гуманитарной академией (РХГА) в серии «Русский Путь», завоевали прочную репутацию авторитетных научных изданий с превосходно подготовленным научно-справочным аппаратом, став незаменимыми в работе исследователя. К 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) вышла двухтомная антология «М. Ю. Лермонтов: pro et contra». Это второе издание, оно значительно переработано и дополнено по сравнению с первым однотомником (2002) и включает впечатляющее количество исследовательских и критических работ о поэте — от первых откликов 1840-х гг. до исследований XXI в.

В первом томе сохранена прежняя структура, включающая пять разделов: I. Из первых откликов. II. Между похоронами и юбилеем. (Нач. 1840-х—1891 гг.) III. На рубеже нового столетия. (Символистская критика). IV. Лермонтов и лермонтоведы. V. Лермонтов в эмиграции. (Работы эмигрантов первой волны 1920–1970 гг.)

Предваряет том обстоятельная вступительная статья известного ученого Владимира Марковича Марковича «Лермонтов и его интерпретаторы», в которой дан глубокий анализ основных тенденций в изучении

Светлана Михайловна Телегина — библиограф, исследователь творчества М. Ю. Лермонтова (svetlanatelegina@yandex.ru).

самого загадочного русского классика. В оценке его творчества уже при жизни столкнулись в жесткой, непримиримой полемике два основополагающих направления русской критической мысли.

Первый раздел дополнен статьей В. С. Межевича «Стихотворения М. Лермонтова», она интересна личной нотой воспоминаний о поэте и акцентом на глубинную связь его творчества с русским народным духом. Письмо Межевича было вызвано панегирической рецензией Булгарина на роман Лермонтова, которая явилась полной неожиданностью и для консерваторов, и для демократов. Постоянный оппонент Пушкина сумел удивить всех, возвысившись над групповыми пристрастиями и дав исключительно высокую оценку «Герою нашего времени» как «лучшему роману на русском языке». Эти статьи стояли особняком. В основном прижизненные отклики напоминали, по меткому определению В. М. Марковича, «состояния сторон в судебном процессе. Одна сторона обосновывала обвинительный вердикт, другая — вердикт оправдательный». А. А. Григорьев отмечал, что «литература была тогда *все и одно* в области духа. Литературные симпатии были вместе и общественными, и нравственными симпатиями, равно как и антипатии. Новое воззрение литературное поднимало решительную борьбу»¹. Начало обвинениям Лермонтова в апофеозе порока и «клевете на целое поколение» положил издатель и критик журнала «Маяк» С. А. Бурачок. Характер его обвинений и его последователей из консервативного лагеря Маркович определяет как «морализаторский». Эстетическая теория «Маяка» опиралась на высокотожественную литературу XVIII в., а современными образцами для нее были романы и повести Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча, А. П. Степанова и А. П. Башуцкого. Отрицательные же стороны пушкинского созерцания, лермонтовский протест и гоголевская сатира оказались принципиально неприемлемыми для этого направления. По выражению А. А. Григорьева, «Маяк» считал «любое обличение *фальши* чуть ли не за „*crimen lesae majestatis*“². Воззрения журнала ясно выразилось в разборе Бурачком «Героя нашего времени»: «Весь роман — эпиграмма, составленная из беспрерывных софизмов, так что философии, религиозности, русской народности и следов нет. <...> ...памятник „легкого чтения“, похожий на гроб, повапленный — снаружи красив, блестит мишурой, а внутри гниль и смрад. <...> Ни одного порядочного, сносного

¹ Григорьев А. А. Белинский и отрицательный взгляд в литературе // Эстетика и критика / вступ. ст., сост. и примеч. А. И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 236

² «Преступление, заключающееся в оскорблении величества» (лат.)

человека. <...> ...все [герои] на одно лицо, и все казарменные прапорщички не перебесившиеся». По мнению критика, Лермонтов своим романом «клеветал на целое поколение людей, выдавая чудовище, а не человека представителем этого поколения». Кроме того, Бурачок порой впадал в неприличный, оскорбительный тон³, что побудило Аполлона Григорьева назвать его статью «истинной обделкой à la Собакевич», отметив при этом, что направление «Маяка» было «не консервативным, а чистым застоём»⁴, не принимавшим какую-либо критику существующего порядка вещей. Тем не менее, будучи по натуре человеком умным и честным, а критиком зорким, Бурачок понимал силу и значение лермонтовского дара, что видно из его второй статьи «Стихотворения М. Лермонтова (письмо к автору)», на которую исследователи редко обращают внимание, останавливаясь в основном на его разборе «Героя...». В ней Бурачок обнаруживает (наравне... с Белинским!) серьезную и тонкую оценку лермонтовской поэзии: «Это замечательный стихотворец, может быть первый из нынешних „стихотворцев“. Стих славный, стальной: он и гнется, и упруг, и звучит, и блещит отражением мысли. <...> ...стих Лермонтова очень близок к совершенству. <...> Честный поэт, <...> вы превзошли стихом всех наших стихотворцев, и самого Пушкина. Большую связку лавров они купили ценою, которую вы назвали „преступною“!» Однако в оценке ряда произведений Бурачок свое глубокое понимание лермонтовской поэзии «принес в жертву теории» (А. А. Григорьев). Так, называя «Бородино» прекрасной поэмой, считал ошибкой выбор «усаца» в роли рассказчика, поскольку, по мнению критика, «подобные сюжеты недостойны поэзии» и «простому усацу не понять колоссальных элементов поэмы». Высоко оценив «Песню про купца Калашникова...», о его казни замечает, что «такие страницы не достойны даже истории, не только

³ Тон рецензии Бурачка вызвал такие слова Лермонтова в первой редакции предисловия к «Герою...»: «...прочитав грубую и неприличную брань, — на душе остается неприятное чувство, как после встречи с пьяным на улице...», но в окончательном варианте Лермонтов эти слова исключил. Отвечая на упреки, Лермонтов в предисловии «с терпением гения преподавал несколько уроков элементарной эстетики» (В. Ф. Асмус), лаконично объяснив сложную природу образов искусства. В то же время поэт принципиально уклонился от того опасного для писателя пути нравоучительной нотации, который привел Гоголя и Льва Толстого к творческому и духовному кризису, подчеркнув, что первый признак духовного выздоровления — видение своих пороков, излечить которые может только Бог.

⁴ Григорьев А. А. Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // Эстетика и критика... С. 275-311.

поэзии». Но все критические замечания в этой статье были изложены с полным уважением к таланту автора.

«Вердикт оправдательный» выносила критика демократического направления во главе с В. Г. Белинским, которое было по сути западническим, характерным идеализацией петровских реформ и неприязнью к русской самобытности, однако сильное своей борьбой за Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Но будучи тоже теоретическим, а потому ограниченным, трактовало живую новую литературу односторонне. Именно Белинский был вдохновителем представления о Лермонтове как о «певце демона», а его последователи (и левые, и правые) превратили это воззрение в филологический канон отечественного лермонтоведения⁵, бесцеремонно приписывая ему речи его персонажей и используя вырванные из контекста цитаты, тем самым культивируя богоборческий образ поэта. Против этой концепции еще при жизни Белинского восставал С. П. Шевырев, прямо указывая, что «такая чертовщина <...> самую позорную клеветой чернит совесть покойного поэта»⁶. Но Белинского выручало критическое чутье, то, что И. С. Тургенев называл у него «особым инстинктом прекрасного», не позволявшее ему, в отличие от оппонентов, закоснеть в теории. Он сумел оценить и поэзию Лермонтова, и «Героя нашего времени», пронизательно заявив, что роман представляет собой «совершенно новый мир искусства». Делая акцент на рефлексии Печорина, Белинский, по мнению В. М. Марковича, «предложил такой угол зрения на Лермонтова, который должен был лишить моралистическую оценку его творчества всякого смысла».

Автор вступительной статьи полагает, что «за пределы этой дилеммы («консервативный морализм — гуманистический прогрессизм») критика 1840-х годов не выходила». Сложное и глубокое суждение С. П. Шевырева о Лермонтове нелегко вместить в эти рамки. Его можно рассматривать только в контексте той ожесточенной полемики, которую апологет русской жизни Шевырев вел с западником Белинским, не прощая ему дерзких инвектив против русской истории. Восторженные оценки

⁵ Попытки разрушить этот канон предпринимались проф. И. М. Андреевым (Свято-Троицкая семинария. Джорданвилль. США), В. В. Афанасьевым (монахом Лазарем), И. П. Щерблыкиным и В. И. Сиротинным, но их работы, к сожалению, не вошли в антологию.

⁶ Шевырев С. П. Полная русская хрестоматия... / сост. А. Галахов // Москвитянин. 1843. № 6. С. 501–533. Цит. по: Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов: статьи и рецензии / вступ. ст. и примеч. Н. И. Мордовченко. Л.: ОГИЗ, 1941. С. 251–252.

«неистового Виссариона» порой мешали ему сохранять беспристрастность, но он сразу признал выдающийся талант Лермонтова и смотрел на него как на «прекрасную надежду русской литературы». Отмечая авторский дар «наблюдателя-психолога», Шевырев называет Печорина «одной из жертв тяжелой болезни века», сближаясь в этом помимо своей воли с Белинским. Но в отличие от него критик «Москвитянина», будучи поборником идеи официальной народности, рассматривал героя романа не только в социальном и моральном аспекте, но и в *патриотическом*, видя «корень всему злу в западном воспитании», а в характере Печорина «тень западного недуга», в то же время призывая «употребить с пользою урок, предлагаемый поэтом». Даже в шевыревском определении Лермонтова как «поэта-протеза с необыкновенным талантом» сказались не только «художественный дальтонизм» критика, но и его неспособность «забыть себя в присутствии высокого создания» (Ю. Ф. Самарин), ибо такая жесткая оценка была опять же направлена в пику восторгам Белинского, что, однако, не помешало Шевыреву откликнуться на смерть поэта проникновенными стихами и некрологом⁷, свидетельствующими о его глубоком понимании лермонтовского дара.

Маркович справедливо отмечает странность дальнейшего развития критических взглядов на Лермонтова, когда «функция „обвинителей“ поэта была усвоена критиками-радикалами». А. А. Григорьев писал в 1861 году: «Странное дело, что доктрины столь различные, как доктрина «Маяка» ... и доктрина гг. Чернышевского и -бова, мирятся у нас на одном — на вражде или равнодушии к Пушкину, на отрицании значения типа лермонтовского»⁸. Эту особенность читатель может почувствовать, обратившись к работам, включенным во второй раздел антологии «Между похоронами и юбилеем». Отметим только, что здесь была бы кстати статья А. А. Григорьева «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия», в которой глава «органической критики» дал исторический анализ полемики вокруг Лермонтова.

По мнению автора вступительной статьи, «самобытный лермонтовский индивидуализм не устраивал практически никого» из русских критиков XIX в. Символистская критика, созданная выдающимися поэтами и мыслителями, предложила принципиально новый угол зрения на Лермонтова, резко отличный от позитивистской журнальной критики,

⁷ [Шевырев С. П.] Кончина Лермонтова // Ратников К. В. Степан Петрович Шевырев и русские литераторы XIX века. Челябинск: Околица, 2007. Ч. 2. С. 42.

⁸ Григорьев А. А. Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия... С. 275–311.

рассматривая его творчество в эстетическом и духовном аспекте и акцентируя внимание на определяющем влиянии Лермонтова на послепушкинский период русской литературы.

III раздел порадует читателей яркими работами этого направления от С. А. Андреевского до Ю. И. Айхенвальда, в том числе и полузабытыми именами П. П. Перцова и И. Р. Эйгеса. Лермонтовский цикл критических работ искусствоведа, литературного критика, оригинального философа и издателя Перцова, состоящий из восьми статей (1909–1916), до сего дня не переиздан⁹. В антологию включен небольшой этюд «Трагедия Лермонтова» (1914), в котором критик обращает внимание на высокую степень воплощенности в лермонтовском творчестве его главной идеи, поскольку «на всей его поэзии лежит отпечаток „вечности“, и о чем бы он не писал... он вещает о потерянном рае». Трагедию поэта Перцов видел в уникальном сочетании у него знания жизни и ее нелюбви: «Лермонтов рисовал мир с яркостью и правдивостью Пушкина, — и был внутренне чужд ей, как Гоголь». В результате, по мысли Перцова, Лермонтов вынужден был защищать перед толпой «целомудрие души, поглощенной всегдашним ощущением Абсолютного. Темперамент художника-наблюдателя тянул Лермонтова к людям, но любить их мешала ему основная в нем — „с Небом гордая вражда“». В этом парадоксальном выводе, кроме некорректности использования цитаты из VI редакции «Демона», обращает на себя внимание характерная для интеллигенции Серебряного века духовная глухота, не позволявшая почувствовать вопиющее противоречие в сочетании *несочетаемого* — «целомудрия души» и «вражды с Небом». В дальнейшем Перцов, обладавший незаурядным философским умом, преодолел это противоречие, отмечая в «Литературных афоризмах» превалирование новозаветного начала у поэта.

Филолог и музыковед И. Р. Эйгес в статье «О Лермонтове. (К метафизике сновидений)» (1914) рассматривает лермонтовскую поэзию в контексте религиозно-философской эстетики Серебряного века, определяя понятием сновидения «центральное понятие эстетики, понятие красоты», полагая, что «всякое искусство — продукт сновидческой деятельности», а «вне состояния сновидения нет красоты». Исследователь считает, что «богатство сновидческих сил» поэта проявилось в его «даре пророчателя», «чисто религиозном созерцании» и «поразительном чувстве Бога», но при этом «земное имело над ним не меньшую власть, чем

⁹ Телегина С. М. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в восприятии П. П. Перцова // Христианское чтение. 2016. № 3.

небесное», отразившись в его чертах «мстительности и воинственности», которые воплощены в лирическом образе кинжала.

IV раздел дополнен именами Н. А. Котляревского, П. Н. Сакулина, А. М. Евлахова и С. Н. Дурылина. Книга Котляревского (1891), написанная в духе культурно-исторической школы, широко известна благодаря рецензии А. А. Блока «Педант о поэте». Статья «Земля и небо в поэзии Лермонтова» (1914) маститого теоретика и методолога литературы Сакулина неизменно высоко оценивается специалистами как итоговая в дореволюционном лермонтоведении. Рассматривая поэзию Лермонтова в психологическом и метафизическом аспекте, Сакулин главным предметом ее философии видит «вековечную проблему о земле и небе как двух стихиях нравственного бытия человека», обращая внимание на важные нюансы в трех периодах внутреннего развития поэта: его «звездный идеализм» и «неудержимую „жажду бытия“». По мнению исследователя, через преодоление юношеского дуализма и богоборчества «Лермонтов шел к заветной цели всех мыслителей — к гармонии и монизму».

Работа литературного критика, эстетика, высоко ценимого Вячеславом Ивановым, врача-психиатра А. М. Евлахова «Надорванная душа (к апологии Печорина)» (1914) отмечена влиянием идей Мережковского и свободна от каких-либо этических оценок лермонтовского героя. Будучи приверженцем чистого искусства и считая индивидуализм его законом, автор рассматривает Печорина как одинокую сильную «индивидуальную личность», «органически связанную с Целым во времени и пространстве», отмеченную «таинственным родством с природой», «тяжким страданием искупившей свое возвышение над людьми».

В статье «Судьба Лермонтова» (1914) философа, богослова, филолога, искусствоведа и писателя С. Н. Дурылина, опубликованной после 100-летней паузы, творчество и личность поэта рассматривается в свете учения Платона и В. С. Соловьева о «вечно-женственном». Кроме того, статья отмечена внутренней связью с книгой П. Флоренского «Столп и утверждение истины» (глава «Бирюзовое окружение Софии и символика голубого и синего света»). Лермонтов, по мнению Дурылина, «певец голубого, вечной голубой купины неба», предвосхитил своей поэзией основные идеи Соловьева, который в свою очередь «приоткрыл нам Лермонтова», потому что тоже знал «власть над собою *вечно голубого — „Лазурного Ока“*». Сквозь «грубую кору» байронизма, о котором твердят исследователи-позитивисты, Дурылин видит в поэте прежде

всего чуткого мистика, который « всю жизнь *припоминал* великий мир изначальных сущностей». Дурылин делает акцент на «изначальной религиозности» поэта, называет его «тайным молитвенником... и в жизни, и в поэзии». Отмечая несомненную заслугу Соловьева в осмыслении «вопроса о Лермонтове, как вопроса религиозного сознания», Дурылин отказывается принять соловьевский приговор поэту о его одержимости «демонами кровожадности, нечистоты и гордости», назвав это обвинение «страшным увещанием». По убеждению исследователя, от «видения демона» поэт «убегал», а к «видению ангела» он шел «высшими звуками» своей поэзии и жизни. Неприятие соловьевской оценки Лермонтова в дальнейшем у Дурылина усилилось, что видно из его письма П. П. Перцову от 2 июля 1941 г.: «...перечел статью о <Лермонтове> Вл. Соловьева. Какую ерунду он написал! Это Варфоломей Зайцев, обряженный в рясу соборного ученого протопопа!»¹⁰ Следует заметить, что Дурылин в своих работах о Лермонтове часто открывал такие смыслы его творчества и такие грани личности поэта, которые оставались вне поля зрения других исследователей¹¹. Его книга «Как работал Лермонтов» (1934, 2014) и статья «Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика» (1916, 2014), отмеченные тонким анализом поэтики Лермонтова и его стиля, не утратили своего научного значения по сей день. Комментарий Дурылина к «Герою нашего времени» (1940, 2006) остается и в наше время самым полным комментарием к лермонтовскому роману. Назовем только две его работы, ждущие переиздания: «Лермонтов и его „Демон“» (1914) и «Россия и Лермонтов (К изучению религиозных истоков русской поэзии)» (1916).

Основой V раздела «Лермонтов в эмиграции» послужил изданный в 1999 г. сборник работ о Лермонтове, написанных в русском зарубежье¹². По сравнению с первым изданием раздел дополнен именами В. Н. Ильина, И. С. Лукаша, Б. К. Зайцева, К. И. Зайцева (с 1954 г. — архим. Константина), П. С. Ставрова. Созданные писателями и мыслителями в другом русском мире, эти работы принципиально отличаются от советского атеистического лермонтоведения смелостью и независимостью

¹⁰ Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост. вступ. ст. и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 847.

¹¹ Телегина С. М. С. Н. Дурылин — исследователь творчества М. Ю. Лермонтова // Христианское чтение. 2014. № 5. С. 169–199.

¹² Фаталист: Зарубежная Россия и Лермонтов / сост., вступ. ст. и коммент. М. Д. Филина. М.: Русский мир, 1999. 286 с.

мысли, вниманием к христианскому мировоззрению поэта и к его духовному опыту. Получившие блестящее образование в дореволюционной России авторы испытали очевидное влияние статьи Вл. С. Соловьева о Лермонтове. В большинстве своем, не соглашаясь с его «ужасающе несправедливыми словами» (П. С. Ставров) и полемизируя с ним, они восприняли и интерпретировали его основные мысли о нищезанятости, богоборчестве, «вещем духе» и пророческом даре Лермонтова, подходя к нему как к явлению «сверхлитературному», полагая, что «измерить силу его гения можно только мерою духовного опыта» (К. И. Зайцев), «необыкновенного» у Лермонтова в силу его дуализма, поскольку ему было доступны и «ангельское», и соблазн «красоты зла», что порождало двусмысленность его героев, неместимую в «рамки литературной критики».

Во втором томе антологии (к сожалению, труднодоступном для читателя из-за небольшого тиража) представлен широкий спектр трудов ученых конца XX — начала XXI в. — от работ выдающихся исследователей (С. Г. Бочарова о Лермонтове как «открывателе верхнего ряда русской прозы», Ю. В. Манна о «Маскараде» и романтических поэмах Лермонтова, А. И. Журавлевой о «Демоне», Б. Т. Удодова о Печорине в контексте «временного и вечного») до трудов видных филологов — эмигрантов третьей волны (Е. Г. Эткинда («Поэтическая личность Лермонтова»), А. К. Жолковского («Семиотика „Тамани“») и др.). Впервые в таком объеме в одном издании представлены исследования о Лермонтове зарубежных ученых-славистов. Ж. Силади (Венгрия) («Тайны Печорина (семантическая структура образа героя в романе М. Ю. Лермонтова)»), Д. Эндрю (США) («„Слепые прозрят“: нарратив и гендер в „Тамани“»), Д. Клайтон (Канада) («Драматизация безумного „я“: пьеса М. Ю. Лермонтова „Маскарад“») — это далеко не полный перечень работ, отражающих свежий, порой неожиданный взгляд зарубежных исследователей на русского классика. Часть трудов публикуется на русском языке впервые. Заслуживают особого внимания исследования отечественных ученых, плодотворно работающих в лермонтоведении в наши дни: В. М. Марковича («Автор и герой в романах Лермонтова и Пастернака»), К. Г. Исупова («Метафизика Лермонтова»), М. В. Михайловой («Бог и человек в лирике Лермонтова»), Н. Н. Акимовой («„Мир, как сад...“ (сад в поэтической онтологии М. Ю. Лермонтова)») и др.

Структурное решение, в основу которого положен тематический принцип, позволяет читателю ориентироваться в этом многообразии,

представляя в четырех разделах самые значимые аспекты изучения лермонтовского наследия: I. Назначение высокое. II. Поэтическое «Я»: координаты существования. III. Герменевтика «Героя нашего времени» (1. Проблемы повествования. 2. Вокруг Печорина. 3. Вокруг «Тамани» и «Фаталиста»). IV. «Мцыри» между «Демоном» и «Маскарадом». Судя по количеству исследований, «Герой нашего времени» привлекает неослабевающее внимание ученых, что говорит об интенсивности осмысления лермонтовского творчества в наши дни, посему символично звучит название вступительной статьи известного лермонтоведа Сергея Владимировича Савинкова, предвещающей второй том, — «Поэт нашего времени».

Внимательный читатель обратит внимание на личностный подход составителей антологии при отборе материалов, почти неизбежный для подобного жанра, что, однако, не повлияло на высокий уровень ее репрезентативности. В 1906 г. А. А. Блок сетовал, что «Лермонтов — писатель, которому не посчастливилось ни в количестве монографий, ни в истинной любви потомства...». Колоссальная работа, предпринятая составителями двухтомной антологии, вносит существенную поправку в это утверждение, представив динамичную картину лермонтоведения как целостного процесса за 170 лет.

Источники и литература

1. Асмус В. Ф. Круг идей Лермонтова // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I. С. 83–128. (Лит. наследство. Т. 43/44).
2. Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов: статьи и рецензии / вступ. ст. и примеч. Н. И. Мордовченко. Л.: ОГИЗ, 1941. 246 с.
3. Григорьев А. А. Эстетика и критика / вступ. ст., сост. и примеч. А. И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. 496 с.
4. Дурьлин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. 896 с.
5. Ратников К. В. Степан Петрович Шевырев и русские литераторы XIX века. Челябинск: Околица, 2007. Ч. 2. 220 с.
6. Телегина С. М. С. Н. Дурьлин — исследователь творчества М. Ю. Лермонтова // Христианское чтение. 2014. № 5. С. 169–199.
7. Телегина С. М. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в восприятии П. П. Перцова // Христианское чтение. 2016. № 3.
8. Фаталист: Зарубежная Россия и Лермонтов / сост., вступ. ст. и коммент. М. Д. Филина. М.: Русский мир, 1999. 286 с.

Svetlana Telegina. Mikhail Lermontov in Russian Philosophical Criticism.

A review of the anthology:

M. Yu. Lermontov: pro et contra. Lichnost' i ideyno-khudozhestvennoye naslediyе M. Yu. Lermontova v otsenkakh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovateley i mysliteley: antologiya. (Mikhail Lermontov: pro et contra. The Biography, Ideas and Literary Heritage of Mikhail Lermontov according to Russian and Foreign Scholars and Thinkers, an anthology). 2 vols. St. Petersburg: RKhGA, 2013–2014. (Russky Put').

vol. 1 / ed. V. Markovich, G. Potapova, N. Danilova, introd. by V. Markovich, comm. by G. Potapova, St. Petersburg: RKhGA, 2013, 1090 pp.

vol. 2 / ed. and comm. by S. Savinkova, K. Isupova; introd. by S. Savinkova, main ed. L. Bogatyrov. St. Petersburg: RKhGA, 2014. 984 p.

Keywords: study of Lermontov, literary criticism of Lermontov, symbolic criticism, Lermontov and the emigrés, religious philosophy of the Silver Age, foreign studies of Lermontov.

Svetlana Mikhailovna Telegina — a scholar of the work of Mikhail Lermontov (svetlanatelegina@yandex.ru).